

в результате чего ему причинен вред либо создана угроза причинения вреда. Появление потерпевшего значимо для развития уголовного правоотношения и не зависит от того, состоялось ли процессуальное решение о признании лица потерпевшим.

Как уже отмечалось, обозначение (именование) потерпевшего, в том числе одного вида, может быть различным. Например, в гл. 19 «Преступления против жизни и здоровья» разд. VII УК «Преступления против человека» в качестве синонимов понятию потерпевшего – физического лица встречаются «человек», «другой человек», «личность», «лицо», «другое лицо». Анализ данной главы показывает, что в нормотворчестве сложилась определенная практика использования понятия «потерпевший» и его синонимов, однако не всегда выдерживается единообразный подход к применению понятия «потерпевший» и не всегда вышеуказанные синонимы используются обоснованно. Полагаем, что во многом это связано с отсутствием правил формулирования диспозиций уголовно-правовых норм.

Предлагаем ряд положений, направленных на выработку согласованного подхода при конструировании диспозиций норм гл. 19 УК, а в случае успешного апробирования – и иных глав УК. В частности, необходимо учитывать, что уголовно-правовое представление о потерпевшем как об участнике общественных отношений, охраняемых уголовным законом, предопределяет его включенность в объект преступления. Термин «потерпевший» является собирательным, обобщающим различные виды потерпевшего (первичный уровень, как следует из ст. 2 УК, – физическое лицо, юридическое лицо, социальные группы, общество и человечество в целом, государство). Определение конкретного вида потерпевшего осуществляется посредством толкования норм УК с учетом общих положений уголовного закона, сферы общественных отношений, регламентируемых соответствующим разделом, главой и статьей Особенной части УК, а также решения вопроса о том, чьи непосредственно права нарушены преступлением.

На наш взгляд, указание на потерпевшего в диспозиции нормы излишне, если потерпевший имеет общие признаки, свойственные всем потерпевшим одного вида, т. е. его характеристики не являются юридически значимыми и нормой предусматривается равноценная охрана интересов всех участников рассматриваемых отношений. Например, относительно гл. 19 УК, направленной на охрану жизни и здоровья человека, отсутствует необходимость указания на потерпевшего (человека, лицо, другое лицо) в ч. 1 ст. 145, ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 154, ч. 1, 2 ст. 157, ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 164 УК, поскольку при исключении соответствующих слов изложение нормы становится более компактным, а ее смысловое значение не изменяется. Данный прием юридической техники широко применяется относительно регламентации общего субъекта преступления.

Указание на потерпевшего в целом либо его конкретизация в диспозиции статьи обязательны, если: в контексте объекта преступления обеспечивается охрана (специального) потерпевшего, обладающего особыми признаками (пол, возраст, физиологическое состояние, профессиональная деятельность и др.), которым придается уголовно-правовое значение (ст. 140, 159, 160 УК и др.); механизм причинения вреда потерпевшему имеет значение обязательного признака объективной стороны преступления (ст. 141, 150 УК и др.); характеристики потерпевшего значимы для ужесточения или смягчения ответственности виновного лица, что отражается в квалифицированном (особо квалифицированном) или привилегированном составе преступления (п. 2, 3, 10, 14 ч. 2 ст. 139, п. 1, 5, 8 ч. 2 ст. 147 УК и др.).

Указание на потерпевшего может быть обусловлено стилистической необходимостью особого изложения текста статьи (перечисление альтернативных признаков, иные сложные текстовые конструкции) (ч. 1, 2 ст. 159 УК и др.).

Помимо посягательства на основной объект преступления нарушение прав потерпевшего может выражаться и в негативном воздействии на дополнительный объект. Соответствующие примеры представлены в разных главах УК. Диспозиции норм с двумя и более объектами преступлений редко отличаются компактностью (как, например, предусмотрено в ст. 207, 398 УК и, наоборот, в ч. 3 ст. 289, ч. 1 ст. 331² УК), но вместе с тем позволяют более полно обеспечить уголовно-правовую защиту общественных отношений от определенного вида посягательства. Применительно к таким случаям оправданно развитие специальных правил формулирования уголовно-правовых запретов, что будет иметь положительный эффект для нормотворчества и последующего толкования в ходе правоприменительной деятельности.

Совершенствование уголовного законодательства вскрывает недостаточно разработанные в теории уголовного права проблемы, касающиеся правил нормотворчества и использования отраслевого понятийно-категориального аппарата. На примере гл. 19 УК представлены отдельные положения, направленные на развитие юридической техники уголовного закона, в частности правил конструирования диспозиций норм Особенной части УК, способствующих охране прав и законных интересов потерпевшего.

УДК 343.45

А.А. Пухов

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

В отечественном законодательстве, вначале в Конституции БССР 1978 г. (ст. 52–54), а потом в Конституции Республики Беларусь 1994 г. (ст. 28), было закреплено право на неприкосновенность частной жизни. Каждому гарантировалось право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство.

Однако любое право, не обеспеченное механизмами реализации и защиты, остается всего лишь декларацией. В целях обеспечения реализации каждым человеком его права на охрану персональных данных, в том числе на неприкосновенность частной жизни, законодатель установил ответственность за совершение ряда правонарушений. Наиболее суровым видом

ответственности является уголовная. До 19 июня 2021 г. совокупность уголовно-правовых норм, направленных на охрану неприкосновенности частной жизни, как правило, включала в себя такие составы преступлений, как незаконные собирание либо распространение информации о частной жизни (ст. 179 УК); нарушение неприкосновенности жилища и иных законных владений граждан (ст. 202 УК); нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных или иных сообщений (ст. 203 УК). С принятием и вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» (далее – Закон № 112-З) положения отечественного УК подвергались корректировке. Так, из текста кодекса была исключена ст. 179, а гл. 23 дополнилась ст. 203¹ и 203², устанавливающими ответственность за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных и несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных соответственно.

Такие меры позволили решить проблему местоположения данных норм в системе Особенной части УК. Норма об ответственности за незаконные собирание либо распространение информации о частной жизни (ст. 179 УК) располагалась в гл. 21 УК «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних». Это обуславливало содержание родового объекта данного состава – уклад семейных отношений, т. е. устоявшийся стиль семейного поведения, проявляющийся в отношениях членов семьи друг к другу и различным событиям. Безусловно, общественные отношения, возникающие и существующие в связи с охраной семьи, законных прав родителей и детей и т. п., сложны и многогранны. Практически это может воплощаться в наличие сведений, которые составляют личную или семейную тайну лица. Вместе с тем понятие «частная жизнь» шире личной или семейной тайны. Более того, процесс повсеместной цифровизации обуславливает появление массива персональных данных, которые лицо также может желать сохранить конфиденциальными. Таким образом, уголовно-правовой защите подлежит более широкий массив общественных отношений. Следовательно, расширение объекта уголовно-правовой охраны, безусловно, отражается на механизме причинения вреда охраняемым отношениям, ценностям (благам).

По сути, в ст. 203¹ УК была перенесена диспозиция ст. 179 УК, утратившей силу в связи с принятием Закона № 112-З, что также вызывает определенные вопросы в правоприменении. Так, достаточно интересным представляется вопрос о возможности квалификации деяний, содержащих признаки состава преступления, ответственность за совершение которого была предусмотрена ст. 179 УК, и имевших место до 19 июня 2021 г., по ст. 203¹ УК. Полагаем, что данная ситуация должна решаться по правилам ст. 9 УК.

Во-первых, преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения этого деяния. Со дня вступления в силу закона, устраняющего преступность деяния, соответствующее деяние, совершенное до его вступления в силу, не считается преступным. Следовательно, со вступлением в силу Закона № 112-З уголовная ответственность за незаконные собирание либо распространение информации о частной жизни не наступает.

Во-вторых, ч. 6 ст. 104 Конституции установлено, что закон не имеет обратной силы, за исключением случаев, когда он смягчает или отменяет ответственность граждан. В УК эта конституционная формула трансформирована в три логические ситуации. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния (1-я ситуация), усиливающий наказание (2-я ситуация) или иным образом ухудшающий положение лица, совершившего это деяние (3-я ситуация), обратной силы не имеет.

Проведенный анализ объективных и субъективных признаков незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных позволяет говорить о криминализации ст. 203¹ УК более широкого спектра деяний по сравнению со ст. 179 УК. Следовательно, сфера действия уголовно-правового запрета расширилась.

Произошло также ужесточение наказания за совершение рассматриваемого преступления. Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 179 УК, относилось к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности (наиболее суровое наказание – арест), а ч. 2 – к менее тяжким преступлениям (лишение свободы на срок до трех лет со штрафом). Несмотря на то что деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 203¹ УК, относится к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, санкция данной уголовно-правовой нормы дополнена такими видами наказания, как ограничение свободы и лишение свободы на срок до двух лет. В свою очередь, деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 203¹ УК, перешло в категорию менее тяжких преступлений (наказание в виде ограничения свободы на срок до трех лет или лишения свободы на тот же срок со штрафом). В квалифицированном составе преступления (ч. 3 ст. 203¹ УК) при сохранении категории (менее тяжкое преступление) произошло существенное ужесточение наказания – ограничение свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок со штрафом.

Положение лица, совершившего рассматриваемое общественно опасное деяние, ухудшилось. Согласно ст. 33 УК деяния, содержащие признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 179 УК, влекли уголовную ответственность лишь при наличии выраженного в установленном уголовно-процессуальном законом порядке требования лица, пострадавшего от преступления, любого из его совершеннолетних близких родственников или членов семьи в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, или его законного представителя либо представителя юридического лица привлечь виновного к уголовной ответственности, т. е. относились к делам частного обвинения. С принятием Закона № 112-З изменилась категория дел, возбуждаемых по ч. 1 ст. 203¹ УК. В настоящее время это дела частного-публичного обвинения, которые возбуждаются не иначе как по заявлению лица, пострадавшего от преступления, его законного представителя или представителя юридического лица. Рассмотрение дела в суде происходит при обязательном участии прокурора, но производство по делам частного-публичного обвинения за примирением сторон императивно прекращению не подлежит (п. 5 ч. 1 ст. 29 и п. 4 ч. 1 ст. 30 УПК).

В-третьих, в Республике Беларусь уголовная ответственность основывается в том числе на принципе законности. Это означает, что нормы уголовного закона подлежат строгому толкованию, а его применение по аналогии не допускается. С семантической точки зрения это выражается в буквальном (дословном) понимании текста закона, т. е. путем установления точного соответствия. Парадигма механического сопоставления диспозиций ст. 179 и 203¹ УК при квалификации преступлений путем технического перенесения норм из одного структурного элемента кодекса (гл. 21) в другой (гл. 23) является попыткой применения уголовного закона по аналогии, что категорически запрещено.

Таким образом, установление и корректировка в отечественном уголовном законе ответственности за посягательства на персональные данные и неприкосновенность частной жизни являются определенной ступенью на пути к формированию целостной системы уголовно-правовых норм, позволяющих комплексно отрегулировать сферу этих важнейших для гражданина общественных отношений. Уголовные дела, возбужденные по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 179 УК, до вступления в силу Закона № 112-3, подлежат прекращению в связи с вступлением в силу законодательного акта, устраняющего наказуемость деяния (п. 10 ч. 1 ст. 29 УПК). Правило об обратной силе должно быть распространено в том числе и на лиц, отбывающих наказание и отбывших наказание, но имеющих судимость по ст. 179 УК. Уголовные дела по признакам состава преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 203¹ УК, могут возбуждаться лишь по фактам, имевшим место после 19 июня 2021 г.

УДК 343.23

Е.А. Реутская

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ САНКЦИИ КАК ОСНОВА ДЕЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА КАТЕГОРИИ

Деление преступлений на категории имеет большое значение не только для науки уголовного права, но и для правоприменительной практики, поскольку именно категория преступления влияет на правовые последствия его совершения (правила назначения наказания по совокупности преступлений в соответствии со ст. 72 УК Республики Беларусь; условия применения некоторых иных мер уголовной ответственности; установление продолжительности сроков для освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности по ст. 83 УК и ряд других). В уголовно-правовой литературе преобладающей является позиция, в соответствии с которой как преступление, так и категоризация (ст. 12 УК) определяются через общественную опасность. Как следствие, категории преступлений должны влиять, в свою очередь, на содержание санкций статей Особенной части УК. Следовательно, построению согласованной системы уголовно-правовых санкций предшествует определение содержания общественной опасности преступлений и критериев их деления на категории.

В качестве критериев деления преступлений на категории в ст. 12 УК закреплены форма вины и размер наказания в виде лишения свободы, которое может быть назначено за совершение преступления. Так, в зависимости от характера и степени общественной опасности все преступления разделяются на следующие категории: не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие. В случае возникновения необходимости уголовно-правовой охраны определенного вида общественных отношений при характеристике запрещенного деяния в диспозиции законодатель описывает признаки преступления, устанавливая его состав, а в санкции указывает виды и пределы наказаний, которые могут быть применены к нарушителю уголовно-правового запрета. Получается, что при определении содержания санкции законодатель закладывает общественную опасность и категорию преступления. В последующем правоприменительные органы соотносят категории преступлений, закрепленные в ст. 12 УК, и содержание санкции статьи Особенной части, предусматривающей вид и размер наказания за совершенное преступление, тем самым определяя общественную опасность преступления и его категорию.

Общественная опасность преступления существует объективно и не может быть измерена законодателем точно в конкретный исторический период ввиду отсутствия соответствующего инструментария. Отсюда следует, что в настоящее время санкции статей Особенной части УК фактически определяют общественную опасность совершенного преступления путем отнесения его к одной из категорий. Общественная опасность преступления находится в прямой зависимости от тяжести определяемого уголовным законом вида и размера наказания, а по причине того, что вид и размер наказания определяются законодателем и отражают преобладающий тип правопонимания и уровень общественного развития, общественная опасность тех или иных преступлений может быть отражена неверно (если вспомнить опыт законодательного закрепления телесных наказаний (битье кнутами или шпицрутенами), квалифицированные и жестокие виды смертной казни). Поэтому нельзя не согласиться с мнением В.Б. Малинина, который утверждает, что при определении критериев разделения преступлений на категории в основу могут быть положены не характер и степень общественной опасности преступления, а зависимость от вида и размера наказания, закрепленного в УК, где наказание рассматривается как символ общественной опасности.

Если в основу разделения преступлений на категории положить все-таки общественную опасность, то нужно выработать и механизм ее измерения, так как в настоящее время алгоритм определения общественной опасности на основании содержания уголовно-правовой санкции не работает ввиду размытости границ санкций статей Особенной части. Размытость границ приводит к сосредоточению в санкции двух и более категорий преступлений и не способствует точному определению общественной опасности совершенного преступления (например, ч. 2 ст. 125 УК (лишение свободы на срок от трех до тринадцати лет), ст. 230 УК (лишение свободы на срок до семи лет), ч. 3 ст. 274 УК (лишение свободы на срок от одного года до семи лет), а также ч. 1 ст. 294 (лишение свободы на срок до семи лет)). Анализ норм УК подтверждает необходимость проведения исследований, направленных на разработку инструментария для измерения общественной опасности преступления, что позволило бы пересмотреть существующую систему наказаний и содержание санкций статей Особенной части УК, обеспечив тем самым их системность и согласованность.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что для определения критериев разделения преступлений на категории следует учитывать не характер и степень общественной опасности преступления, а вид и размер наказания, закрепленные в санкции статьи Особенной части УК, так как научно обоснованный инструментарий измерения общественной опасности преступления в настоящее время отсутствует.